

Левая оппозиция в Ленинградском университете

Д. А. Баринов

Для цитирования: *Баринов Д. А.* Левая оппозиция в Ленинградском университете // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 4. С. 1117–1131.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.405>

История левой оппозиции в ВКП(б) представлена в историографии работами, посвященными прежде всего внутривластной борьбе в высших эшелонах власти (Политбюро, ЦК, партийные съезды и др.). Однако характерной особенностью политических столкновений 1920-х гг. стало вовлечение в конфликт широких партийных масс, которые в ходе дискуссий или агитации среди однопартийцев пытались представить собственную точку зрения на перспективы развития социалистической революции. Поэтому одно из наиболее перспективных направлений в изучении политической истории этого периода видится в обращении к особенностям противостояния на низовом уровне — в отдельных регионах или отраслях общественной, культурной и экономической жизни. Цель данной статьи заключается в анализе борьбы левой оппозиции (1923–1928 гг.) в Ленинградском государственном университете — одном из крупнейших научных центров СССР. Автор определяет численность оппозиционеров, выявляет их лидеров в среде преподавателей (литературоведы Г. Е. Горбачев и А. Д. Камегулов, историки Т. И. Харечко, К. В. Нотман, М. М. Цвибак), а также основные стратегии борьбы. Отдельное внимание уделено дальнейшим судьбам оппозиционеров — как «капитулянтов», так и тех, кто продолжил борьбу уже в условиях подполья. Один из главных выводов статьи заключается в том, что тактика подавления оппозиции в университете во многом совпадала с той, что использовалась в центральном аппарате страны. Смещение с должностей, перемещения на службу в провинцию, обструкция при публичных выступлениях — все это имело место и в ЛГУ. Автору удалось установить, что большую роль в деятельности сторонников блока Троцкого-Зиновьева играли студенты. На них легла работа по распространению оппозиционной литературы, сбору подписей и т. д. Для ведения агитации среди студентов и рабочих, по существу, была возрождена пропагандистская деятельность в форме дореволюционных кружков, организуемых в университете и на заводских предприятиях.

Ключевые слова: левая оппозиция, Троцкий, Зиновьев, Ленинградский государственный университет, студенчество, высшая школа.

Дмитрий Андреевич Баринов — канд. ист. наук, науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН, Российская Федерация, 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7; barinovdima1990@yandex.ru

Dmitriy A. Barinov — PhD (History), Researcher, St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science, 7, Petrozavodskaya ul., St. Petersburg, 197110, Russian Federation; barinovdima1990@yandex.ru

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Студенческие организации Петроградского / Ленинградского университета в 1910–1920-х гг.» (№ 19-39-60005).

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project “Student organizations of the Petrograd / Leningrad University in 1910–1920s” (No. 19-39-60005).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

Left Opposition at Leningrad State University

D. A. Barinov

For citation: Barinov D. A. Left Opposition at Leningrad State University. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 4, pp. 1117–1131.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.405> (In Russian)

The history of the left opposition in the CPSU(b) is mainly represented in historiography by works devoted to the internal party struggle in the highest echelons of power (Politburo, Central Committee, etc.). However, a characteristic feature of the political clashes of the 1920s is the involvement of the broad party masses in the conflict, who tried to present their own point of view on the prospects of the development of the socialist revolution. Therefore, one of the most promising directions in the study of the political history of this period is the exploration of the peculiarities of confrontation at the grassroots level, i. e. in certain regions or in spheres of social, cultural and economic life. The purpose of this article is to reconstruct the struggle of the left opposition at Leningrad University, one of the largest scientific centers in the country. The author determines the number of oppositionists, their leaders among university teachers, as well as the main strategies of struggle. Special attention is paid to the further destinies of oppositionists. One of the main observations of the article is that the tactics of suppressing opposition at the university largely coincided with that used in the central apparatus of the country. The author has established that students played an important role in the activities of the opposition. They were responsible for distributing opposition literature, collecting signatures for the political platform, etc. Propaganda activities were revived in the form of pre-revolutionary circles organized at the university and at industrial enterprises in order to agitate among students and workers.

Keywords: the left opposition, Trotsky, Zinoviev, Leningrad State University, students, high school.

История внутрипартийной борьбы 1920-х гг. — сегодня одна из наиболее востребованных и популярных тем в историографии ранней советской истории, так как возможность для объективного освещения связанных с ней проблем появилась сравнительно недавно. Благодаря успехам отечественных историков последних десятилетий мы имеем достаточное представление о том, как эта борьба протекала в высших эшелонах власти: в Политбюро, ЦК, на партийных съездах и т. д.¹ Однако отличительной чертой внутривластного столкновения 1920-х гг. стала широкая вовлеченность масс в определение дальнейшего пути развития государства и революции. Поэтому практически полное отсутствие публикаций, рассматривающих деятельность оппозиции на уровне конкретных учреждений (отдельных органов власти, производств, институтов и др.)² существенно обедняет восприятие

¹ См.: *Роговин В. З.* Была ли альтернатива?: «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992; *Гусев А. В.* Троцкистская оппозиция в конце 20-х — начале 30-х годов: автореф. ... канд. ист. наук. М., 1996; *Назаров О. Г.* Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2002; *Скоркин К. В.* Обречены проиграть (власть и оппозиция 1922–1934). М., 2011; *Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И.* Лев Троцкий: в 4 кн. Кн. 3: Оппозиционер. 1923–1929 гг. М., 2013; *Апальков Д. И.* Внутрипартийная борьба в РКП(б) — ВКП(б) (1920-е — начало 1930-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2017; и др.

² Среди редких исключений см., например: *Стефаненко А. Ю.* К истории оппозиции на фабрике «Работница»: группа А. С. Алимова // *Россия на переломе. Войны, революции, реформы. XX век.*

этой исторической эпохи и лишает исследователей возможности представить реальные масштабы борьбы. Обращение к теме оппозиции в высшей школе позволит оценить, насколько были втянуты в процесс внутрипартийной борьбы научная интеллигенция и студенчество.

Задача, поставленная автором, состоит в рассмотрении деятельности левой оппозиции в стенах Ленинградского университета, одного из наиболее крупных научных и образовательных центров страны, имеющего богатые традиции общественной и политической жизни. Хронологические рамки исследования — 1923–1928 гг., то есть период, включающий дискуссии 1923–1924 гг., разгром «новой» зиновьевской оппозиции в январе 1926 г., а также работу объединенного блока сторонников Г. Е. Зиновьева и Л. Д. Троцкого в 1926–1928 г.

Прежде всего определим количество оппозиционеров в университете. Основанием для причисления к оппозиции для нас будет наличие партийных взысканий за фракционную работу и публичные выступления с критикой ЦК. Применительно к дискуссии 1923–1924 гг. мы будем учитывать только активистов, а не всех проголосовавших за курс Троцкого. Так, согласно отчету о состоянии партийного коллектива, на конец 1927 г. в университете было 29 членов оппозиции³. Для более полной картины мы произвели подсчеты за весь период ее деятельности, а также учли данные по рабочему факультету и Комсомолу. Так, с учетом наших дополнений, в 1923–1928 гг. оппозиция насчитывала в университете не менее 92 активных членов⁴. По партийному стажу они распределялись следующим образом: до 1917 г. в партию вступили — 6 чел., в 1917 г. — 5, в 1918–1920 гг. — 25, после 1920 г. — 26, кандидатов в партию — 2, беспартийный — 1, состоявших только в ВЛКСМ — 24 (нет данных для 3 человек)⁵. Большую часть группы составляли студенты, среди преподавателей и административного состава к оппозиционерам можно отнести историков А. И. Анишева (1899–1936), З. Н. Гайдерова (1881–1937), Н. М. Маторина (1898–1936), С. К. Минина (1882–1962), К. В. Нотмана (1901–1937), С. Е. Фаермарка (Сефа) (1900–1937), И. Л. Татарова (Кагана) (1901–1938), Т. И. Харечко (1893–1937), М. М. Цвибака (1899–1937), М. Н. Яковлева (1897–?), преподавательницу диалектического материализма О. И. Танхилевич (1900–1963), а также известных литературных критиков 1920-х гг. Г. Е. Горбачева (1897–1937) и А. Д. Камегулова (1900–1937). Именно эта группа партийцев отстаивала оппозиционную повестку в ЛГУ.

Еще во время партийной дискуссии 1923–1924 гг. студенчество Петрограда проявляло отзывчивость к взглядам оппозиции. Небольшое число городских партийных коллективов, поддержавших курс Л. Д. Троцкого, было представлено именно вузами — Институтом народного хозяйства, Лесным и Медицинским институтами, Институтом медицинских знаний и рабфаком университета. В самом же ЛГУ около трети голосов было отдано в поддержку оппозиции. Таким образом, университет (вместе с рабочим факультетом) фактически оказался разделен надвое по политической линии: за курс Троцкого проголосовало 138 партийцев, против —

СПб., 2018. С. 230–241; а также о Коммунистическом университете им. Зиновьева: *Halfin I. Intimate enemies: demonizing the Bolshevik opposition, 1918–1928*. Pittsburgh, 2007. P. 178–226.

³ Работа троцкистской оппозиции // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее ЦГАИПД СПб). Ф. 984. Оп. 1. Д. 302. Л. 31.

⁴ Данные по рабфаку см.: Список оппозиционеров, числящихся по предприятиям Василеостровской районной организации // Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1776. Л. 218.

⁵ 71 оппозиционер был в ЛГУ и 20 на его рабфаке.

141, воздержались пятеро⁶. Подобные результаты были достигнуты именно за счет голосов студентов. На рабфаке в это время действовал неформальный центр оппозиции во главе с заведующим факультетом Т. И. Харечко — героем Гражданской войны на Донбассе, переведенным из Украины в Петроград с понижением должности за участие в рабочей оппозиции 1921 г. Ему также помогали студенты Н. С. Степанов, М. З. Жив, Б. В. Александров и др. Они объединяли сторонников, распространяли оппозиционные материалы, проводили собрания и т. д. Как известно, на XIII съезде РКП(б) в 1924 г. оппозиция потерпела поражение, а ее наиболее активные сторонники были исключены из партии — в их числе и рабфаковцы Т. И. Харечко и Н. С. Степанов⁷.

Во время работы «новой», или «ленинградской», оппозиции сторонники Г. Е. Зиновьева старались отстоять на XIV съезде партии в декабре 1925 г. альтернативное видение развития советского государства. Оно предполагало нажим на кулака, критику построения социализма в одной стране, расширение партийной демократии, развитие государственной кооперации и др. Преподаватели ЛГУ (М. М. Цвибак, С. Е. Фаермарк (Сеф), И. Л. Татаров, А. И. Анишев и др.) в этот период вели активную агитационную работу в кружках, выступали на страницах печати и т. д. Разгром оппозиционной ленинградской делегации на съезде сторонники И. В. Сталина решили закрепить в ходе агитационной кампании, стартовавшей в Северной столице в январе 1926 г. На заседаниях партийных коллективов предложили осудить поведение ленинградской делегации, а ее программу признать не соответствующей мнению местных партийцев⁸. Эта кампания, проводимая не без давления центральной власти, имела место и в университете, где на собраниях бюро 4 января 1926 г. и всего коллектива членов ВКП(б) 6 января 1926 г. большинством голосов поддержали решения XIV съезда и осудили поведение ленинградской делегации. Протоколы отразили только несогласие К. В. Нотмана и желание воздержаться от голосования М. М. Цвибака⁹. Санкциями за принципиальную позицию стало снятие обоих с руководства семинарами партшкол в Василеостровском райкоме.

Точку в «дискуссии» поставило состоявшееся 13 января групповое собрание вузовских коллективов ВКП(б) Василеостровского района (в их числе ЛГУ и его рабфак, Горный институт, Академия художеств, Эстонский педагогический институт, Гинекологический институт). Из более чем тысячи делегатов только 14 чел. не поддержали линию ЦК и 8 воздержались при голосовании. Отдельно было осуждено давление по адресу коммунистов-вузовцев, имевшее место в 1925 г. Утверждалось, что зиновьевцы клеймили их троцкистами и мелкой буржуазией за поддерж-

⁶ 94 голоса в поддержку оппозиции из 140 (Протокол общего собрания коллектива РКП рабфака ЛГУ от 20 декабря 1923 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 874. Л. 41); 44 голоса в поддержку оппозиции из 145 (Протокол общего собрания членов и кандидатов партии коллектива Петр. Гос. университета от 20 декабря 1923 г. // Там же. Л. 108 об.).

⁷ См. подробнее: Резник А. В. Троцкий и товарищи. СПб., 2018. С. 189–190.

⁸ См. подробнее: Иванов В. М. Из истории борьбы партии против «левого» оппортунизма. Л., 1965. С. 85–204.

⁹ Протокол заседания Бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ. 4 января 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 2–2 об., Протокол заседания Бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ. 6 января 1926 г. // Там же. Л. 6.

ку линии ЦК. Прозвучал призыв прекратить деление членов партии на «сынков» и «пасынков»¹⁰.

Стоит отметить, что по завершении послесъездовской кампании политическая дискуссия в университетском коллективе замерла практически до конца 1926 г. Судя по всему, между университетскими большевиками не было столь острых разногласий, какие были присущи политической элите. Долгое время различие политических взглядов не мешало рабочим взаимоотношениям. Так, после неудачных выборов в правление университета (куда не вошло должное количество партийцев) в марте бюро партийного коллектива ходатайствовало в райком о переводе на основной учет в ЛГУ Я. К. Пальведре, А. Г. Вальнера, И. Л. Татарова и Г. Е. Горбачева при том, что последние двое являлись членами оппозиции¹¹. В мае 1927 г. Г. Е. Горбачев вошел в состав делегации, которая должна была представлять интересы университета в Москве.

Однако подобное затишье вовсе не означало сворачивания борьбы против троцкистов и зиновьевцев. Тактика по перемещению и смещению активных оппозиционеров с занимаемых постов, успешно применяемая сталинским ЦК в центральных и региональных органах власти, была использована и по отношению к университету. В первую очередь отправили на периферию бывших участников зиновьевской оппозиции 1925 г. В 1926 г. историки М. М. Цвибак и А. И. Анишев были переведены в Среднеазиатский Коммунистический университет в Ташкенте¹², а С. Е. Фаермарк (Сеф) и Н. М. Маторин — на низовую работу в провинцию. Отстраненным от преподавания оказался также один из наиболее активных участников ленинградской оппозиции С. К. Минин. В декабре 1925 г., выступая с докладом о ходе XIV съезда на собрании фабрики «Скороход», он агитировал против И. В. Сталина, возмущался тем, что «на съезде собрались молодчики, которые прислушиваются, что им говорит папа Римский — Ем. Ярославский»; и так характеризовал делегатов съезда: «это кумушки, которые только говорят о чемоданах и грязном белье и, когда выступает наш Евдокимов, не дают ему говорить». Согласно свидетельствам, настроение рабочих после столь пламенной речи было воинственным, некоторые с бранью призывали идти войной на Москву¹³. В январе С. К. Минин продолжил отстаивать программу оппозиции — и в результате в начале года был снят с должностей ректора Коммунистического университета им. Зиновьева и профессора факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ.

Первым сигналом к обострению конфликта стал октябрьский (1926 г.) доклад И. В. Тесленко на заседании бюро коллектива, являвший собой реакцию на выступление оппозиционеров на ленинградском областном комитете партии. В докладе утверждалось, что Л. Д. Троцкий и Г. Е. Зиновьев (летом объединившиеся в блок) подвергают партию «дискуссионной лихорадке», прения, устроенные в организации, подрывают деловую работу партии, а вопросы, поднимаемые оппозиционе-

¹⁰ Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 3 января 1926 г. // Там же. Д. 176. Л. 1; Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 6 января 1926 г. // Там же. Л. 6.

¹¹ Протокол заседания Бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ. 16 марта 1926 г. // Там же. Л. 24.

¹² См. подробнее: *Брачев В. С.* Историк М. М. Цвибак и его судьба // *Terra Humana*. 2008. № 2 (7). С. 37–39; Анкета [А. И. Анишева] // ЦГАИПД СПб Ф. Р-1728. Оп. 1-4. Д. 30807. Ч. 1. Л. 1 об.

¹³ В редакцию «Правды» ЦО РКП(б) // Там же. Оп. 1-30. Д. 237771. Ч. 2. Л. 6.

рами, уже не актуальны. Выступление было поддержано собравшимися, прения закончились призывом дать отпор оппозиции¹⁴.

К началу 1927 г. оппозиция давно была лишена возможности доносить свои идеи до партийных масс через печать, поэтому ее лидеры пользовались любыми возможностями публичных выступлений. Одно из них произошло 9 мая 1927 г. в московском Доме союзов, где Г. Е. Зиновьев выступил с критикой ЦК и редакционной политики «Правды» на большом собрании по случаю 15-летия газеты. Этот выпад был расценен как грубое нарушение партийной дисциплины, и собрание бюро партийного коллектива ЛГУ предложило осудить поведение бывшего председателя Ленсовета. Оппозиционеры справедливо восклицали, что невозможно осуждать выступление, если никто не знает, чему оно было посвящено. «Ленин говорил, тот дурак, кто верит на слово», — заметил Г. Е. Горбачев. Оппозицию своеобразно «поддержал» А. В. Краузе: он считал, что в партийной ячейке необходимо делать доклады по существу, чтобы у оппозиционеров не было поводов для выступления. Тем не менее, со ставшей к тому времени традиционной ссылкой на тяжелое международное положение, коллектив встретил порицанием «новую выволочку обанкротившегося вождя» (при 5 голосовавших против и 7 воздержавшихся из 438 присутствовавших¹⁵).

С этого момента почти каждое общее собрание университетских партийцев, посвященное текущим политическим вопросам, сопровождалось дискуссиями, инициируемыми активизировавшимися оппозиционерами. Существующие протоколы не позволяют подробно воссоздать ход этих прений, поэтому мы ограничимся перечислением основных вопросов, задаваемых оппозицией, чтобы оценить примерное содержание споров (среди наиболее активных выступавших были Г. Е. Горбачев, К. В. Нотман и В. С. Дубов).

10 февраля при голосовании за резолюцию ленинградской партийной конференции, отклонившей предложения оппозиции, участники собрания спрашивали: не потому ли оппозиция в меньшинстве, что ее представителей высылают из города; почему их снимают не только с партийной, но и с производственной работы?¹⁶ 8 июня при обсуждении итогов пленума Исполнительного комитета Коминтерна у собравшихся возникали вопросы: почему речь Зиновьева не напечатали в газетах; в чем суть «Заявления 83-х»; в чем заключается пораженчество оппозиции; в чем разница в отношении к Англо-русскому комитету ЦК и оппозиции; какова позиция Троцкого по Китайскому вопросу?¹⁷ 8 сентября в ходе обсуждения итогов пленума ЦК и ЦКК присутствовавшие задавали вопросы: есть ли личный мотив в разногласиях ЦК и оппозиции, чем объяснить отсутствие сахара и муки в такой хлебобродной стране, как СССР?¹⁸ 3 ноября после доклада об итогах октябрьского пленума ЦК и ЦКК прозвучало выступление против введения 7-часового рабочего дня, а с мест спрашивали: почему не публикуются «завещание Ленина» и документы оппозиции; в каком томе Ленин говорил о возможности закрепления социализма

¹⁴ Расширенное заседание Бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ. 5 октября 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 105.

¹⁵ Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 19 мая 1927 г. // Там же. Д. 244. Л. 6.

¹⁶ Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 10 февраля 1927 г. // Там же. Л. 2.

¹⁷ Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 8 июня 1927 г. // Там же. Л. 9.

¹⁸ Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 8 сентября 1927 г. // Там же. Л. 11.

в одной стране; что для партии болезненнее — открыть дискуссию или идти к расколу; почему выборы на партийную конференцию прошли раньше дискуссии?¹⁹

Часто у тех, кто задавал вопросы, получалось довольно удачно поддавливать докладчиков, проводящих линию ЦК. 8 сентября прозвучало такое замечание: «Вы говорите, что в связи с рационализацией и стабилизацией капитализма угроза войны и противоречия увеличивается, в таком случае ведь Зиновьев прав»²⁰. 3 ноября в пику идее ЦК о построении социализма в отдельно взятой стране одним из оппозиционеров было процитировано выступление Сталина 1925 г.: «Можно ли добиться победы социализма в одной стране без совместных усилий пролетариев всех стран. Нет, невозможно»²¹.

Не менее жаркими были дискуссии и на рабфаке. Одно из наиболее бурных собраний состоялось 3 ноября 1927 г. Началось оно со скандала, связанного с выступлением известного экономиста-оппозиционера Н. Я. Пилявина. Несмотря на то, что большинство высказалось за предоставление ему слова, последовавшая обструкция не позволила ему выступить. Далее был представлен доклад о текущем положении, к которому было задано более 50 вопросов (крайне большое число для подобных заседаний). Несмотря на то, что содержание вопросов и ответов в протоколах не отражено, тот, кто вел их запись, заключил, что докладчик «уничтожающе, с фактами в руках, разбивает те доводы, которые приводили в оправдание линии оппозиции»²².

В прениях пытались участвовать и студенты. 24 ноября на заседании бюро факультета советского права было отклонено предложение П. А. Матвеева внести в повестку дня обсуждение внутрипартийного положения²³. На открытом заседании ВЛКСМ физмата, посвященном 10-й годовщине революции, Д. В. Редозубов предложил поправку к резолюции: вместо формулировки «мы строим и построим социализм, если Красная Армия и международный пролетариат будут в состоянии оградить Советский Союз от интервенции международного империализма» было предложено: «мы строим и построим социализм при поддержке международного пролетариата». Эта поправка, разумеется, была признана троцкистской вылазкой и потому отвергнута²⁴.

Атмосферу, в которой проходили эти дискуссии, хорошо характеризует письмо, направленное в партийное бюро университета студентом Е. Ф. Косолаповым (членом бюро) по результатам одного из ноябрьских заседаний. Приведем обширную, но крайне яркую цитату: «...давление нашего бюро (в лице президиума собр[ания]) на ведение собрания выделось ясно: неточный подсчет голосов, ничем не обоснованный отказ от подсчета воздержавшихся... навязывание коллективу делегации на партконференцию списком, вопреки настоянию не только оппозиционной части, но и значительной доли большинства. <...> Вместо дискуссии у нас практикуется дурной прием копания в личностях оппозиционеров. Тов. Дубатовка

¹⁹ Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 3 ноября 1927 г. // Там же. Л. 20.

²⁰ Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 8 сентября 1927 г. // Там же. Л. 11.

²¹ Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 3 ноября 1927 г. // Там же. Л. 20.

²² Закрытое общее собрание коллектива ВКП(б) рабфака ЛГУ. 3 ноября 1927 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 67. Л. 57, 58 об.

²³ Протоколы заседаний бюро коллектива ВКП(б) факультета советского права. 24 ноября 1927 г. // Там же. Ф. 984. Оп. 1. Д. 273. Л. 20.

²⁴ Выписка из протокола заседания Бюро ячейки ВЛКСМ физмата // Там же. Д. 275. Л. 7.

ставит в оппозиционную преступность одному товарищу то, что он давнишний оппозиционер, старый “путаник”, а другому то, что он... “оппозиционер — без году неделя”. В этом сказывается беспомощная путаница самого Дубатовки. Особенно недостойна травля тов. Ниссона, которого я и многие знают не как “контрреволюционера” (аттестация Струппе), а как б[ывшего] подпольного коммуниста, сидевшего за границей <...> Дискуссию срывают не только клеветой на оппозицию, но и прямыми угрозами физической расправы над оппозиционерами. Вспомните последнее высказывание отсека (ответственного секретаря. — Д. Б.) района Струппе, который грозил “переломать ребра” оппозиционерам. Это ведь погромный клич руководителя района. Дальше идти некуда. Видимо, мало исключения из ЦК во время дискуссии, нужно еще дубиной щелкать по ребрам»²⁵. Существуют и другие отзывы о том, что «на партсобраниях невозможно было толком выслушать оппозиционеров»²⁶ и происходили «ярые споры с шумом и свистом»²⁷.

Преобразование университетских партийных дискуссий в обструкции несогласных с «генеральной линией» подтверждает наблюдение Л. Д. Троцкого об общем характере полемики того времени: «перепуганный аппаратчик, которого не тревожили два года, — сгоряча, во время заседания — неистово бранится и швыряется всем, что попадет под руку; но зачем же это задним числом печатается в “Правде”? Дело объясняется просто: это есть форма инструктирования партии о том, как вести дискуссию. На узких собраниях активов, т. е. на секретных собраниях аппаратной фракции, секретари поучают, как шуметь во время заседания, как свистать, как выталкивать и пр. и пр.»²⁸.

Схожие свидетельства о борьбе с оппозиционными лозунгами в Ленинграде оставил В. Серж, агитировавший в коллективе газеты «Красная звезда»: «Как только мы открывали рот, раздавались реплики и возгласы, даже оскорбления: “Предатели! Меньшевики! Пособники буржуазии!” Следовало спокойно заметить председателю, что потеряно полминуты, и начать с рубленой фразы. Кто-то в президиуме торопливо делал заметки для горкома и ЦК. Зал следил за этим поединком безмолвно. Кричали десятка два старательных: мы давали отпор лишь им, уязвленные молчанием остальных»²⁹. Об атмосфере, в которой проходила борьба оппозиционеров, вспоминал преподаватель Военно-политической академии Г. И. Григоров: «Слежка и доносительство стали приобретать массовый характер, агитация и пропаганда действительно свелись к навешиванию ярлыков на всех, отклоняющихся от линии ЦК <...> все меньше и меньше оказывалось смельчаков, задававших докладчикам “каверзные вопросы”»³⁰.

Ведение дискуссий в университете было далеко не главной задачей оппозиционеров. Н. Н. Гаврилов вспоминал, что, помимо агитационной работы в собственной ячейке, нужно было распространять и размножать документы оппозиции, собирать деньги на издательские нужды, вести пропаганду на заводах, налаживать свя-

²⁵ В бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ. 14 ноября 1927 // ЦГАИПД СПб. Д. 243. Л. 18–18 об.

²⁶ Протокол опроса. 3 апреля 1928 г. // Там же. Ф. 1728. Оп. 1-95. Д. 752697. Л. 4 об.

²⁷ Протокол опроса. 29 февраля 1928 г. // Там же. Оп. 1-9. Д. 71880. Л. 11 об.

²⁸ *Троцкий Л. Д.* В редакцию «Дискуссионного листка». 2 ноября 1927 г. // Архив Троцкого: в 4 т. Т. 4. М., 1990. С. 236.

²⁹ *Серж В.* От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. М., 2001. С. 262.

³⁰ *Григоров Г. И.* Повороты судьбы и произвол: Воспоминания, 1905–1927 годы. М., 2005. С. 444–445.

зи с лидерами ленинградской оппозиционной группы³¹. Как эта работа проходила в среде универсантов, можно рассмотреть на примере студента Н. А. Отрожденно-го. В 1926–1927 гг. он занимался пропагандистской работой в Московско-Нарвском районе, вел кружок на заводе «Красный путиловец» и сам посещал кружок пропагандистов, где получал указания от старших товарищей³². Работу в 5–6 кружках в это же время вел К. В. Нотман. Особую важность имели университетские кружки текущей политики, где оппозиционеры также имели возможность для выступлений. Своеобразным штабом ленинградских оппозиционеров была квартира Зиновьева на улице 11-й роты (ныне 11-я Красноармейская), которую посещало большинство университетских «троцкистов». Г. Е. Горбачев выступал связующим звеном с этим центром, он давал адрес Зиновьева, получал директивы от С. И. Гессена и старого большевика Г. Е. Евдокимова³³. Отдельными встречами в Ленинграде руководили герои Гражданской войны М. М. Лашевич и И. П. Бакаев. Обособленные собрания университетских оппозиционеров происходили на квартире М. М. Цвибака (на наб. Фонтанки) и К. В. Нотмана (также на Фонтанке). Как свидетельствует участник подобных собраний: «Расходились мы ранним утром, выходили из квартиры поодиночке, как в царское время, желая избежать слежки»³⁴.

Сведений об участии универсантов в подготовке альтернативной демонстрации, посвященной 10-летию Октябрьской революции, выявить не удалось. Однако известно, что К. В. Нотман в ноябре устроил «демонстрацию встречи» Карла Радека, который вместе с Зиновьевым должен был возглавлять оппозиционное выступление³⁵.

Среди литературы, распространяемой оппозиционерами, были «завещание Ленина», «Платформа большевиков-ленинцев», статьи австрийского социалиста Отто Бауэра, заявление «буферной группы» и нечто, скрывающееся под таинственной формулировкой «статьи т. Ленина из его тетрадки, не подлежащие опубликованию»³⁶. Имело место и распространение листовок, в том числе подготовленных специально для университета. Так, в одной из листовок от имени коллектива ЛГУ выражалось недовольство ведущейся подготовкой к XV съезду партии. К требованиям, во многом совпадавшим с вопросами и претензиями, озвученными на собраниях университетского партийного коллектива, было прибавлено следующее: «выпустить из тюрем коммунистов, взятых за борьбу против сталинского оппортунизма»; «объявить неправильными и незаконными все выборы на съезд и конференции, проведенные до дискуссии»; «считать исключение т.т. Зиновьева и Троцкого из ЦК накануне съезда безобразным и незаконным делом», которое, как утверждалось, играло на руку мировой буржуазии³⁷.

³¹ Из записок троцкиста Н. Н. Гаврилова // Память. Исторический сборник. Вып. 3. Париж, 1980. С. 386–387.

³² В партийный комитет завода «Красный гвоздильщик». 15 января 1935 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-25. Д. 192949. Л. 11.

³³ Выписка из протокола Ленинградской ОКК ВКП(б) 6 апреля 1928 г. // Там же. Оп. 1-53. Д. 416191. Ч. 3. Л. 6.

³⁴ Григоров Г. И. Повороты судьбы и произвол. С. 443.

³⁵ [Донесение т. Хаскиной] // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-80. Д. 633087. Ч. 4. Л. 5.

³⁶ Протокол № 12 заседания президиума Ленинградской губернской контрольной комиссии от 6 сентября 1927 г. // Там же. Оп. 1-4. Д. 28774. Ч. 1. Л. 7.

³⁷ [Листовка от партийного коллектива ЛГУ] // Там же. Оп. 1-80. Д. 633087. Ч. 6. Л. 25–25 об.

Другой важной задачей оппозиции был сбор подписей под «Заявлением 83-х», которое сторонники Троцкого и Зиновьева предполагали представить на съезде. «Заявление» требовало расширения партийной демократии, критиковало провалы во внешней политике, выражало беспокойство растущим расслоением деревни, безработицей и низким уровнем заработных плат и т. д. Попытка обсудить этот документ на собрании университетских партийцев была отклонена, хотя и вызвала по крайней мере один сочувствующий голос. Я. И. Бавыкин, подчеркивая отсутствие у него связи с оппозицией, заметил, что если под документом поставлено несколько тысяч подписей, то все-таки стоит его обсудить³⁸. Впоследствии наличие или отсутствие подписи под этим программным документом могло играть роль облегчающего или отягчающего обстоятельства при рассмотрении вопроса об исключении оппозиционеров из партии в начале 1928 г.

Последняя коллективная акция университетской оппозиции была посвящена А. А. Иоффе, застрелившемуся 17 ноября в знак протеста против исключения Троцкого из партии. Обстоятельства его смерти не были широко известны вплоть до получения Троцким предсмертного письма Иоффе. Тогда в конце ноября на заседаниях бюро различных факультетов оппозиционеры предложили почтить вставанием память старого большевика. На географическом факультете выступал В. С. Дубов, на физмате — Д. В. Редозубов, на факультете советского права — И. С. Лукас. Только последний добился удовлетворения просьбы о том, чтобы почтить память Иоффе, однако было подчеркнуто, что он умер от продолжительной болезни, а Лукас был заклеямен как провокатор и демагог³⁹.

XV съезд партии, проходивший со 2 по 19 декабря 1927 г., превратился в показательное судилище над сторонниками Троцкого и Зиновьева, после которого состоять в оппозиции легально, не навлекая на себя никаких санкций, стало невозможно не только де-факто, но и де-юре. На съезде выступал бывший универсант С. К. Минин, который помимо освещения внутривластных проблем обратил внимание на то давление, которое оказывалось на партийные ячейки в деле борьбы с оппозицией. Реакция на это выступление, последовавшая со стороны делегатов съезда, явно свидетельствовала о начале партийного вырождения: «Нет, в этом дело, товарищи, ибо там (на заводе “Красный треугольник”. — Д. Б.) мы видели рабочих и работниц, которые от способа ведения собрания, от навязывания своих взглядов тремя членами Политбюро... (Голос: “Это вы навязывали!” Голос: “Вас там гнали!”), ломали руки в отчаянии, спрашивая: “Да что это такое?!” (Сильный шум. Голоса: “Врешь ты! Долой его! Провокация! Долой, долой, долой! Довольно! Вон!” Голос: “Это вы этим занимаетесь!”) Вот где ищите причины, товарищи. (Шум, голоса: “Долой его! Позор! Довольно!” Радченко: “Надо было защищать решения XIV съезда, а не бегать и не бороться против них.”) Товарищи, я излагаю свой взгляд... (Голоса: “Долой!” Голос: “Иди к Троцкому!”). Товарищи, я докончу. (Голос: “Нет, убирайся сначала, надо говорить прямо”). К сожалению, товарищи, это было так. (Голоса: “Долой!”) И в этом одна из причин многих осложнений в среде рабочего класса Ленинграда. (Голоса: “Долой! Долой!” Шум... Козлов: “Чепуха! Вы занедужили!”»⁴⁰.

³⁸ Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 8 сентября 1927 г. Л. 11.

³⁹ Протоколы заседаний бюро коллектива ВКП(б) факультета советского права. 24 ноября 1927 г. Л. 20.

⁴⁰ Речь тов. Минина // Стенографический отчет. XV съезд ВКП(б). М.; Л., 1928. С. 211.

Вскоре после съезда началось массовое исключение троцкистов из партии и их последующее «разоружение». Большинство университетских оппозиционеров выступило с заявлениями об отходе от оппозиции и поддержке решений съезда, однако велико было число и тех, кто проявил принципиальность. Среди преподавателей к последним принадлежала только О. М. Танхилевич, отказавшаяся поддерживать решение съезда и отметившая свое несогласие с высылкой оппозиции. Куда более радикальным было поведение студентов. В. А. Свешников назвал ерундой то, что съезд признал оппозицию меньшевистским уклоном; В. И. Чанцев отметил, что разоружается только организационно и продолжает придерживаться оппозиционной платформы; И. М. Овсянников не стал снимать свою подпись с платформы, а после исключения отказался сдавать партийный билет, дерзко ответив, что тот ему еще пригодится, так как он собирается переезжать⁴¹; И. Г. Шпыркин назвал трусами Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева за их отход от оппозиции и подчинение ЦК⁴².

Сложно привести точные свидетельства о том, кто продолжил вести борьбу в условиях подполья, поскольку с начала 1928 г. разбором подобных проступков занимались уже не партийные контрольные комиссии, а прежде всего ГПУ, архивные материалы которого до сих пор мало доступны исследователям; тем не менее можно указать на несколько подобных случаев. До осени 1928 г. продолжал вести нелегальную работу студент В. И. Чанцев. Вернуться к оппозиции его заставила смена экономического курса ЦК, который вскоре после XV съезда во многом начал повторять программу оппозиции. Чанцев был знаком со многими оппозиционными материалами, в том числе с письмами Троцкого из Алма-Аты. Осенью студент оказался арестован и через два с половиной месяца отпущен под расписку об отходе от оппозиции⁴³. К неразоружившимся троцкистам также принадлежал студент Е. Ф. Косолапов. Во время ареста в октябре 1928 г. у него на квартире были обнаружены ротатор и стеклограф, которые использовались для печати статей Троцкого и Л. С. Сосновского, распространяемых по городу⁴⁴. Осенью 1928 г. были арестованы студенты Н. В. Теплов, А. С. Бобра и доцент О. М. Танхилевич⁴⁵. Последняя из ссылки в Сибири установила контакты с одним из главных сторонников Троцкого в СССР Х. Г. Раковским. Через некоторое время она подала заявление об отходе от оппозиции и переехала в Москву, где в 1932 г. была арестована за участие в оппозиционной группе «капитулянтов», возглавляемой старым большевиком И. Н. Смирновым⁴⁶. До своего ареста в январе 1929 г. продолжал нелегальную работу студент Д. В. Редозубов. Находясь в ссылке в Томской области, он возглавил троцкистскую группу ссыльных, за что в 1931 г. был приговорен к 3 годам ИТЛ⁴⁷.

Что касается судеб «капитулянтов», то первые годы после разгрома оппозиции они не знали больших потрясений. Преподаватели сохранили свои должно-

⁴¹ Выписка из протокола партколлегии КК ВО РК ВКП(б) от 11 февраля 1928 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-81. Д. 641306. Ч. 1.

⁴² Выписка из протокола № 42 заседания партколлегии ВО райкома ВКП(б) от 3 марта 1928 г. // Там же. Оп. 1-32. Д. 253827. Л. 1.

⁴³ В партком завода Калинина // Там же. Оп. 1-9. Д. 71880. Ч. 2. Л. 5.

⁴⁴ Докладная записка Г. Г. Ягоды И. В. Сталину об арестах троцкистов в г. Ленинграде. 28 октября 1928 г. // Политбюро и Лев Троцкий, 1922–1940 гг.: сборник документов / сост. О. Б. Мозохин. М., 2017. С. 391.

⁴⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-1. Д. 4139. Ч. 2. Л. 12 и далее.

⁴⁶ Политбюро и Лев Троцкий, 1922–1940 гг. С. 577.

⁴⁷ Скоркин К. В. Обречены проиграть. С. 459.

сти в университете (только К. В. Нотман в качестве наказания был отправлен на несколько месяцев преподавать в д. Чудово Новгородской губернии⁴⁸) и после повторных покаяний в течение года были восстановлены в партии, а Нотман впоследствии даже получил повышение, возглавив одну из ключевых кафедр — истории ВКП(б). Даже фактически сосланный М. М. Цвибак в 1930 г. по предложению университетских властей был возвращен в ЛГУ. Студенты продолжили учебу, а некоторые остались работать в качестве преподавателей (Н. И. Саламатов, Н. А. Отрожденный).

Самым нетривиальным образом сложилась судьба у студента Н. А. Матвеева. После окончания ЛГУ он поступил на работу в областной финансовый отдел, где в 1930 г. попался на мошенничестве. В ходе изъятия ценностей у налогоонеплательщика он подменил золотые часы и кольцо на более дешевые, срезал несколько звеньев у цепочки, а часть предметов не включил в опись изъятых. В этом же году он был приговорен к 3 годам ИТЛ⁴⁹.

Положение бывших оппозиционеров значительно ухудшилось в начале 1930-х гг., во время второй волны борьбы с троцкизмом. Поводом для нее послужило письмо И. В. Сталина, опубликованное в журнале «Пролетарская революция». В нем троцкизм клеймился как «передовой отряд контрреволюционной буржуазии» и подчеркивалась недопустимость примирения с ним, даже «разбитым и замаскированным»⁵⁰. Содержание письма было воспринято партийцами как указание к действию. Так, в конце декабря 1931 г. одно из совещаний партийного коллектива Историко-лингвистического института (созданного на базе одноименного факультета ЛГУ), по существу, превратилось в травлю М. М. Цвибака, К. В. Нотмана и Г. Е. Горбачева, обвинявшихся в троцкистской пропаганде. При этом бюро института взяло на себя вину за «гнилой либерализм», проявленный в отношении коллег. Примечательно, что все обвинения дословно повторяли формулировки сталинского письма⁵¹.

Развязка наступила с началом так называемого Кировского потока, главными жертвами которого с подачи И. В. Сталина стали бывшие «зиновьевцы». В конце 1934 — начале 1935 г. арестам подверглись А. И. Анишев, Г. Е. Горбачев, К. В. Нотман, З. Н. Гайдерова, И. Л. Татаров, М. М. Цвибак, С. Е. Фаермарк (Сеф), Н. М. Маторин. За исключением И. Л. Татарова, погибшего в лагере в Дудинке, все были расстреляны в 1936–1938 гг. Из преподавателей пережить эпоху террора удалось только С. К. Минину (скончался в 1962 г.) и О. М. Танхилевич (согласно воспоминаниям, она покончила с собой в 1963 г.⁵²). Данные о судьбах студентов-оппозиционеров удалось установить лишь выборочно. Среди них выделяется Дмитрий Васильевич Редозубов (1904–1978). После освобождения из ИТЛ в 1941 г. он посвятил себя изучению проблем вечной мерзлоты, а после реабилитации 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию и состоялся как известный ученый.

⁴⁸ Брачев В. С. Жизнь и судьба историка: Константин Вильгельмович Нотман (1901–1937) // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 3. С. 11.

⁴⁹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 10. Д. 456. Л. 16.

⁵⁰ Сталин И. В. О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. Т. 13. М., 1951. С. 99.

⁵¹ Протокол закрытого собрания пленума коллектива партии ЛИЛИ, проходившего 23, 24, 25 декабря 1931 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-80. Д. 633087. Л. 6 и далее.

⁵² Войтоловская А. Л. По следам судьбы моего поколения. Сыктывкар, 1991. С. 253.

История левой оппозиции в Ленинградском университете может служить примером тому, что на местах для подавления сторонников Троцкого и Зиновьева применялись те же методы, что и на уровне центрального и регионального аппарата управления⁵³. Смещение активистов, давление вышестоящих властей, обструкция и травля на собраниях не позволяли оппозиционерам доносить свои идеи до партийных масс.

Принимая во внимание эти обстоятельства, справедливо задаться вопросом, каков был отклик на пропагандистскую деятельность оппозиции. Тот факт, что на собраниях с несколькими сотнями присутствующих ее выступления едва получали полтора десятка голосов поддержки, дает все основания считать, что голос оппозиции оставался «гласом вопиющего в пустыне». Нескольким десяткам искренних оппозиционеров противостояло более четырех сотен товарищей по партии (на 15 апреля 1928 г. партколлектив ЛГУ насчитывал 423 члена)⁵⁴. Однако нельзя сказать, что университетские партийцы с осознанным осуждением относились к «троцкизму». В своем большинстве они оказались безразличны к вопросам внутрипартийной борьбы, не считая дискуссию принципиальной или же опасаясь открыто формулировать свою позицию. Е. Ф. Косолапов отмечал, что он «среди партийных также мало вел оппозиционной работы, зная, что в большинстве они такого настроения: “Не трогай меня. Не отнимай хлебный билет”»⁵⁵. Свидетельством политической инертности большинства является то, что на протяжении 1927 г. участниками прений были одни и те же лица — оппозиционеры и партийное руководство университета — О. В. Дубатовка, Я. К. Пальведе, И. В. Тесленко и др. Характерно, что уже в 1928 г. обсуждение вопросов текущей политики в ЛГУ резко сократилось, а все дискуссии велись исключительно по проблемам, касающимся внутриуниверситетской жизни.

Тем не менее оппозиционерам все же удавалось привлекать сторонников и, по признанию университетского бюро, оказывать влияние на студентов и комсомольцев. Более того, согласно списку (пусть не вполне полному и точному) оппозиционеров, числящихся по учреждениям, группа университетской оппозиции была самой многочисленной в Василеостровском районе. Сопоставимое представительство было только на заводе им. Казицкого (22 чел.) и на писчебумажной фабрике им. Зиновьева (21 чел.)⁵⁶. Нельзя не отметить, что в 1926–1927 гг. участие в оппозиции уже требовало от члена партии известной доли решительности. Хотя репрессии в то время еще не приобрели массового характера, различного рода санкции (увольнения, понижения, исключение из партии, выговоры и др.) за «нарушение партийной дисциплины» были в широком ходу. Членство в оппозиции подразумевало и тяжелые моральные испытания, так как в эти годы невозможно было публично отстаивать «троцкистскую» точку зрения, не выставляя себя на всеобщее поругание в партийном коллективе.

Лишенная любых возможностей распространять свои идеи легально, оппозиция была вынуждена «пойти в народ». С этой целью возродили дореволюционную

⁵³ См. подробнее: *Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И.* Лев Троцкий. С. 268–271.

⁵⁴ См.: Работа бюро коллектива // ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 302. Л. 27.

⁵⁵ Протокол опроса. 25 января 1928 г. // Там же. Ф. Р-1728. Оп. 1-1. Д. 4139. Л. 3 об.

⁵⁶ Список оппозиционеров, числящихся по предприятиям Василеостровской районной организации // Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1776. Л. 228 и далее.

форму кружковой работы среди пролетариев, в которой традиционно активную роль играли студенты, состоявшие в социалистических партиях или сочувствующие им. То, какой отклик эта пропаганда имела среди рабочих, предстоит выяснить в дальнейших исследованиях; однако можно с уверенностью сказать, что это движение стало последним эпизодом «фабричной» кружковщины в отечественной истории.

С подачи одного из наиболее яростных проводников сталинской линии Е. М. Ярославского бытовало представление, что оппозиция — это «молодежь, которая в большинстве своем при царизме никогда подполья не вела, привлекаемая романтизмом антиленинского “подполья”, возглавляемая такими старыми подпольщиками, как Зиновьев, Каменев, Преображенский, Серебряков»⁵⁷. Применительно к университету такое утверждение верно лишь отчасти. Действительно, в ЛГУ большую часть противников линии ЦК составляли студенты, но они не были студентами в классическом, дореволюционном понимании, то есть не являлись вчерашними гимназистами. Большинство из них были старше 25 лет и имели опыт военной службы или политической работы в годы Гражданской войны (Н. А. Матвеев, Е. Ф. Косолапов, двоюродные братья Н. А. и С. М. Отрожденные и др.). Студент факультета советского права Иосиф Михайлович Ниссон (1897 г. р.) вел революционную борьбу сразу в нескольких странах. В 1917–1918 гг. он являлся членом Бунда, в 1918 г. был арестован как участник рабочего движения в Варшаве, в 1919–1920 гг. состоял в Коммунистической партии Германии, в 1920–1923 гг. — в компартии Дании. В 1923 г. И. М. Ниссон был арестован в Копенгагене и после отбытия тюремного наказания переехал в СССР, где в этом же году вступил в РКП(б)⁵⁸. Карл Янович Умблея (1903 г. р.) начал подпольную работу среди портовых грузчиков в Эстонии, трижды исключался из гимназии, в 1924 г. вступил в эстонскую компартию, в 1926 г. эмигрировал в СССР и стал членом ВКП(б)⁵⁹. Интересно, что к 1927 г. самым «пожилым» оппозиционером оказался именно студент — Иван Матвеевич Овсянников (1891 г. р.), каменщик из крестьян, участник Первой мировой и Гражданской войн. Среди преподавателей были те, кто имел опыт дореволюционной партийной работы — С. К. Минин, З. Н. Гайдерова, Г. Е. Горбачев. То, что университетская оппозиция была знакома с революционной борьбой на практике, говорят и данные о партийном стаже. Две трети ее участников (33 из 49) из числа партийцев вступило в ВКП(б) до 1920 г. включительно, то есть до окончательной победы большевиков (всего в университетском коллективе таких было 27,7%)⁶⁰. Так что трактовать оппозицию как движение юношеского романтизма было бы неверно.

Не трудно заметить, что большинство университетских оппозиционеров были представителями гуманитарных наук (историки, литературоведы и т. д.). Можно сделать предположение, что они больше интересовались партийной историей, вокруг которой строилась значительная часть партийных дискуссий, и оказались более восприимчивы к теоретическим различиям в программах Сталина — Бухарина и Троцкого — Зиновьева. Представители естественно-научных специальностей,

⁵⁷ Ярославский Е. М. От критики внутрипартийного режима, к критике пролетарской диктатуры // Ярославский Е. М. Против оппозиции. М., 1928. С. 23.

⁵⁸ Личный листок по учету кадров // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-81. Д. 640874. Л. 1–2.

⁵⁹ Автобиография // Там же. Оп. 1-53. Д. 421491. Ч. 2. Л. 5.

⁶⁰ Подсчитано без учета рабфака, т. к. недоступны общие данные о партийном стаже его ячеек.

вероятно, не уделяли большого внимания текущим разногласиям или вовсе не понимали их.

Деятельность университетской оппозиции не ограничивалась исключительно рамками ЛГУ. Хотя вузы признавались одной из значимых площадок для агитации, все же подлинную общественную значимость оппозиции могла придать только поддержка рабочих. Пропагандой в их среде и занимались универсанты. Несмотря на локальные успехи, деятельность троцкистов и зиновьевцев в университете может только подтвердить устоявшееся в мемуарной и научной литературе мнение об изолированности последней волны оппозиции от масс. Если в дискуссии 1923–1924 гг. на ее сторону встало множество крупных партийных ячеек⁶¹, то в 1926–1927 гг. преодолеть общее отчуждение партии и давление сторонников ЦК для оппозиции оказалось практически невозможным.

References

- Apalkov D. I. *Vnutripartiinaia bor'ba v RKP(b) — VKP(b) (1920-e — nachalo 1930-kh gg.)*. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, [s. n.], 2017, 206 p. (In Russian)
- Brachev V. S. Istorik M. M. Tsvibak i ego sud'ba. *Terra Humana*, 2008, no. 2 (7), pp. 33–54. (In Russian)
- Brachev V. S. Zhizn' i sud'ba istorika: Konstantin Vil'gel'movich Notman (1901–1937). *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye*, 2018, no. 3, pp. 10–13. (In Russian)
- Felshtinskii Yu. G., Cherniavskii G. I. *Lev Trotskii. Kniga tret'ia. Opozitsioner. 1923–1929 gg.* Moscow, Centrpoligraf Publ., 2013, 464 p. (In Russian)
- Grigorov G. I. *Povoroty sud'by i proizvol: vospominaniia, 1905–1927 gody*. Moscow, OGI Publ., 2005, 526 p. (In Russian)
- Gusev A. V. *Trotskistskaia oppozitsiia v kontse 20-kh — nachale 30-kh godov*. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1996, [s. n.], 25 p. (In Russian)
- Halfin I. *Intimate enemies: demonizing the Bolshevik opposition, 1918–1928*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2007, 416 p.
- Iaroslavskii E. M. Ot kritiki vnutri partiinogo rezhima, k kritike proletarskoi diktatury. *Iaroslavskii E. M. Protiv oppozitsii*. Moscow, Gosudarstvennoie izdatel'stvo Publ., 1928, pp. 22–25. (In Russian)
- Ivanov V. M. *Iz istorii bor'by partii protiv "levogo" opportunizma*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1965, 280 p. (In Russian)
- Nazarov O. G. *Stalin i bor'ba za liderstvo v bol'shevistskoi partii v usloviakh NEPa*. Moscow, IVI RAN Press, 2002, 203 p. (In Russian)
- Reznik A. V. *Trotskii i tovarishchi*. St. Petersburg, EUSP Press, 2018, 389 p. (In Russian)
- Rogovin V. Z. *Byla li al'ternativa?: "Trotskizm": vzgliad cherez gody*. Moscow, Terra Publ., 1992, 399 p. (In Russian)
- Serge V. *Ot revoliutsii k totalitarizmu: vospominaniia revoliutsionera*. Moscow, Praksis Publ., 2001, 686 p. (In Russian)
- Skorkin K. V. *Obrecheny proigrat': (vlast' i oppozitsiia 1922–1934)*. Moscow, VividArt Publ., 2011, 890 p. (In Russian)
- Stefanenko A. Yu. K istorii oppozitsii na fabrike «Rabotnitsa»: gruppa A. S. Alimova. *Rossia na perelome: voiny, revoliutsii, reformy. XX vek*. St. Petersburg, Lema Publ., 2018, pp. 230–241. (In Russian)
- Voitolovskaia A. L. *Po sledam sud'by moego pokoleniia*. Syktyvkar, Komi kn. izd-vo Publ., 1991, 334 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 5 декабря 2020 г.

Рекомендована в печать 14 сентября 2021 г.

Received: December 5, 2020

Accepted: September 14, 2021

⁶¹ См. подробнее: Резник А. В. Троцкий и товарищи. С. 209–231.